

рику и идеологеми, призванные поддерживать умеренный градус «политической активности масс», достаточный для исполнения «гражданского долга». Идейной почвой реальной субъектности масс может быть только утопия, выводящая за пределы политического сущего как наличного (настоящего). Сегодня такой утопии в российской политической мысли нет. А риторика консервации статус-кво лишь усугубляет отложенные проблемы, которые рано или поздно все же придется решать.

Эрзац-утопия: модернизационные проекты

Может ли воплощение утопического модернизационного проекта для России одновременно рассматриваться и как способ легитимации российского политического режима? Представляется, что легитимация актуального российского политического режима может быть осуществима только через выбор обществом желательного «проекта будущего», нового модернизационного проекта, который вполне может стать практическим воплощением нового внятного общественного договора, так и не предложенного обществу взамен советского. Оптимальность и эффективность подобного проекта, его приемлемость для населения может быть апробирована на уровне российских регионов.

Российское общество, прошедшее в постсоветский период очередной переломный этап своей истории, должно прежде всего определиться, согласно каким ценностям и целям стоит жить дальше. И особую роль в воплощении нового модернизационного проекта может сыграть опыт реализации региональных и общероссийских экономических, политических и культурных проектов, консолидирующих общество в масштабах всей России.

До сих пор в отечественном обществоведении в заявленной области имели место либо исследования, связанные

с поиском формулировок «общенациональной идеологии» – понятия самопротиворечивого и сомнительного по определению, либо простой социологический мониторинг ценностей современных россиян. Первое представляется неактуальным, поскольку в ситуации системного кризиса политического модерна привычные идеологии уходят на периферию общественной жизни. Кроме того, в современной российской политической науке само понятие идеологии до крайности размыто. Второе – простой социологический мониторинг ценностей, как правило, дает ситуативный срез общественного сознания, не связанного с возможными перспективами российского политического режима и общества в будущем. Поэтому необходимо обосновать связь потенциальных модернизационных проектов с указанными перспективами, без учета которых они будут не способны выполнить стоящие перед ними задачи.

Особенность легитимации российской власти в том, что она исторически осуществлялась скорее не путем отсылки к воле народа-суверена, а посредством апелляции к религии, идеологии, шире – к какому-либо мироустроительному или модернизационному проекту как способу внутренней социальной трансформации, построения «нового общества». Однако формирование действительно демократического политического режима в России потребовало от власти легитимации себя именно в глазах суверенного народа. Эта легитимация в настоящее время по-прежнему происходит преимущественно традиционным путем представления народу нового проекта социальной (цивилизационной и даже миросистемной) трансформации, который в свою очередь опирается на какую-либо идеологию. Существенными элементами этой идеологии сегодня является либеральное представление о возврате России на магистральный путь истории, о необходимости вступить в число стран, находящихся на пути к постиндустриальному обще-

ству, о желательности новой модернизации при сохранении национально-культурной идентичности и преемственности традиций. Соответственно происходят постоянные трансформации аксиологических основ современного российского политического режима.

Тем не менее сами по себе ценностные трансформации еще не означают наличия у власти целостного проекта, способного придать легитимность политическому режиму. С другой стороны, демократический способ легитимации путем отсылки к воле суверенного народа остается для власти не полностью приемлем, о чем свидетельствует практика управляемой «суверенной демократии». Эти изменения в рамках российской политической науки практически не нашли своего теоретического отражения, оставаясь в большинстве своем несознанными. Однако влияние этих изменений трудно переоценить.

Пределные основания политики актуализируются в эпохи перемен, во времена радикальных общественных трансформаций, одну из которых мы наблюдаем в современной России. Соответственно, аксиоматичные ранее политические ценности, цели и смыслы дискредитируются в силу того, что привычные модернистские идеологии и утопии оказываются бессильными в своих попытках объяснить новую политическую реальность, в которую оказалось вброшено российское общество. Таким образом, вчерашние теоретические концепты оказываются фактически нерелевантными и нелегитимными в объяснении нового, складывающегося на наших глазах политического порядка. Более того, подобные попытки лишь уводят от существа произошедших политических трансформаций, формируя ложное сознание как на уровне политической теории, так и на уровне здравого политического смысла. Поэтому исходным пунктом для поиска новых легитимирующих основ и идейных обоснований модернизационных проектов для России является следующий.

Мысль о том, что каждому политическому режиму соответствует определенный тип личности далеко не нова; еще Платон писал об олигархическом, демократическом и прочих политических типах людей. В эпоху Просвещения Монтескье, рассуждая о политических режимах (деспотии, монархии, республике), также утверждал, что для каждого из них требуются определенные типы людей, различающихся по своим внутренним качествам – начиная от преобладания в их психике каких-то простых чувств, например страха или чести и заканчивая сложными комплексами идей и добродетелей (законопослушание, патриотизм, способность к самопожертвованию и самоограничению и т.п.)¹. Современные социально-политические науки добавили к выводам мыслителей прежних времен следующее: не только политические режимы требуют от человека особых качеств, но и переживаемые обществами технологические эпохи. Одни качества требуются средневековому крестьянину, участвующему в тесно связанном с природными циклами производстве сельскохозяйственной продукции, совсем другие – индустриальному рабочему, третьи – работнику современной сферы услуг.

При определенной теоретической смелости можно заключить, что именно технологические требования к человеку имеют гораздо большее значение, чем политические и, более того, лежат в основании последних. В настоящее время мы имеем возможность оценить характер и динамику перемены базисных для российских политических режимов ценностей. Для этого мы, во-первых, обладаем некоторым историческим знанием, во-вторых, в силу того, что именно на наших глазах одно политическое устройство сменилось на другое, которое функционирует уже около двух десятков

¹ Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 187-195.

лет. Кроме того, на протяжении последнего времени часто утверждалось, что перемена политического устройства в нашей стране была обусловлена как раз тем, что потребовалось срочно перейти из одной технологической эпохи в другую. А именно, из затянувшейся на советских просторах эпохи фабричных труб – в информационную или постиндустриальную эпоху.

Следовательно, мы так же, как свидетели и участники различных эпох перемен прежних времен, можем заметить разницу между требованиями, которые предъявлялись человеку (объекту и субъекту политики) раньше и которые предъявляются сейчас. Мы также можем соотнести эти требования с характером главенствующих в ту или иную эпоху модернизационных проектов. Наконец в теоретико-методологической плоскости мы уже можем оценить достаточно объемный комплекс трудов, посвященных осмыслению меняющейся России.

Современная ситуация мышления в отечественной политической науке характеризуется минимальной саморефлексией и множеством ложных дилемм, вырастающих из путаницы и аморфности понятий, умолчаний о фундаментальных методологических противоречиях. Последние не решаемы апелляцией к политической реальности, фактам и онтологической аргументации, имея в отношении различных прикладных интерпретаций политической картины аксиоматический характер.

Представляется, что мерами, связанными с ситуативной адаптацией элиты к вызовам текущего момента, «подморозкой» политэкономического статус-кво, популизмом, точечными финансовыми вливаниями в конфликтогенные субъекты РФ (Чечня, Башкортостан, Татарстан и т.д.), централизацией властных полномочий и свертыванием публичной политики данную проблему не решить. Основанием стабильности может стать лишь новый народный консен-

сус, который федеральный центр часто путает с силовым консенсусом элит. Этот консенсус может сложиться вокруг нового модернизационного проекта, с необходимостью которого вряд ли кто-то будет спорить. Необходимо наполнение абстрактного концепта свободы, обретенной в 1991 г., содержанием справедливости¹.

Следует отметить, что любой политический режим легитимен не в силу своей демократичности или анти-демократичности, но благодаря его соответствию наличным в обществе критериям «естественной справедливости». Один и тот же политический режим в перспективе властной элиты или восходящих социальных слоев может быть оценен по-разному. Более того, в России сегодня нет ни эффективного института вертикальной мобильности и рекрутирования новых элит, ни действующих открытых элит, владеющих механизмами и практиками эффективной общественной консолидации. Поэтому Россия остается внутренне расколотой страной с неопределенным будущим несмотря на упорядочивающие и псевдо-централизующие административные реформы.

Поэтому эффективные административно-политические и общественные реформы могут быть только «тенью» и продолжением нового общественного договора. А сутью отсутствующего ныне внятного общественного договора для России может стать только концепция модернизационного проекта, предлагающего устройство справедливого общежития граждан и легитимирующего в глазах большинства населения официального политического курса. Такого широкого согласия населения с некими базовыми принципами и ценностями сегодня в России не наблюдается. Отсюда низкая эффективность политических и экономических

¹ Делягин М. Социально-политическая программа // Свободная мысль-XXI, 2005. № 7. С. 66.

институтов, безразличие широких масс к проектам социально-экономических и политических преобразований.

Соответственно Россия нуждается в новых модернизационных проектах, способных интегрировать население на основании неких ценностей, институтов и правил, которые большинство людей могли бы действительно принять как естественные и справедливые, то есть легитимные. Инициировать подобный проект может лишь государство, то есть действующая федеральная и региональные элиты. Других субъектов, которым под силу такого рода проект, в России нет. Но ключевая трудность состоит в том, что именно действующие элиты не спешат предлагать обществу проекты преобразований российского общества. Более того, стратегия власти состоит именно в сохранении социально-политического статус-кво, пресловутой стабильности как «меньшего из зол».

Таким образом, в российской политике в ближайшее время могут развиваться стагнационные тенденции, отрицающие необходимость фундаментальных модернизаторских проектов, без которых априори невозможно лучшее и более справедливое будущее. И общество, и экономика продолжают пребывать в подвешенном, полупереходном состоянии. Старые символы и ценности отвергнуты, новые не выработаны, долгосрочная стратегия и приоритеты развития не определены. И в то же время, вряд ли кто-то открыто согласится с тем, что Россия сегодня занимает место, адекватное ее научному, культурному и экономическому потенциалу в мировом разделении труда, состоящее во все большей специализации на экономике энергоносителей. Но сырьевая экономика в современном мире по определению не может быть экономикой великой державы.

Поэтому Россия для собственного самосохранения фактически обречена на модернизационный проект, реализуемый в долгосрочных интересах большинства населения.

Проект, одновременно решающий ряд принципиальных задач: а) легитимацию нового политического режима; б) реализацию научно-экономического потенциала страны с целью выхода на достойные позиции в глобальном разделении труда; в) построение и сплочение «нового российского общества» вокруг предлагаемых модернизационным проектом целей, принципов и задач, более человечных и универсальных, чем имеющиеся «здесь и сейчас». Исторического времени для модернизации у России остается все меньше, а существующие у действующей власти инициативы типа «нацпроектов» и программы «Единой России», размазанной на 18 (!) приоритетных задач, представляются лишь неудачными паллиативами прорывного модернизационного проекта¹. И, наконец, модернизационный проект должен предполагать изменение принципов существования нынешнего расколотого и конфликтного российского общества (по возрастным, культурным, этническим, экономическим, поколенческим, ценностным и прочим основаниям), чья социальная энергия почти полностью идет на «погашение» социальной энтропии. Фактически речь идет о «новом обществе», его интеграции и кооперации на основе целей модернизации, без чего реализация модернизационного проекта также будет затруднена, а преодоление «вечного настоящего» невозможно.

¹ См.: Перечень проектов к VII Съезду партии «Единая Россия» от 02.12.2006 г. // <http://www.edinros.ru/news.html?id=116976>